

DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-4-236-248

УДК 519.2(045)

JEL C25

Денежные трансферты как фактор экономической устойчивости домохозяйств

Л.И. Ниворожкина, А.А. Трегубова, Т.Г. Синявская

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена важностью выявления механизмов, повышающих экономическую устойчивость российских домохозяйств в условиях социально-экономической турбулентности. **Целью** работы является исследование взаимосвязи между государственными, частными трансфертами и субъективными оценками экономической устойчивости домохозяйств. **Информационная база** исследования сформирована на данных опроса домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2016, 2020 и 2024 гг. путем объединения всех волн/периодов в один массив. Для моделирования влияния трансфертов на субъективные оценки экономической устойчивости использован инструментальный мультиномиальной логистической регрессии. **Предмет** исследования составляют получаемые домохозяйствами государственные и частные трансферты в денежной форме в контексте их влияния на экономическую устойчивость, выраженную через субъективную оценку материальной стабильности. **Выявлено**, что в период пандемии произошло резкое сокращение как внутрисемейной взаимопомощи, так и помощи от внешних благотворителей, а учтенные в опросе государственные пособия и льготы слабо выполняют функцию поддержки социально уязвимых групп. Установлено наличие взаимосвязи между трансфертами и субъективной устойчивостью домохозяйств и показано, что ее характер определяется источником денежных трансфертов. Получение домохозяйствами государственных трансфертов повышает ощущение стабильности, а реципиентами межсемейной и благотворительной помощи чаще становятся финансово неустойчивые домохозяйства. **Ключевые слова:** устойчивость домохозяйств; субъективные оценки; трансферты; мультиномиальная логистическая регрессия

Для цитирования: Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А., Синявская Т.Г. Денежные трансферты как фактор экономической устойчивости домохозяйств. *Финансы: теория и практика*. 2026;30(4):236-248. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-4-236-248

ORIGINAL PAPER

Money Transfers as a Factor in Household Economic Stability

L.I. Nivorozhkina, A.A. Tregubova, T.G. Sinyavskaya

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

ABSTRACT

The **relevance** of the study stems from the importance of identifying mechanisms that increase the economic stability of Russian households during times of socio-economic uncertainty. The **purpose** of the study is to investigate the relationship between public and private transfers and household economic stability as perceived by individuals. The research **information base** is grounded in data from the HSE household survey for 2016, 2020 and 2024, which were combined into one dataset. The tools of multinomial logistic regression were used to model the impact of transfers on subjective evaluation of economic stability. The **subject** of the study is public and private monetary transfers received by households in the context of their impact on economic stability. This is measured through a subjective assessment of material stability. It was **revealed** that during the pandemic, there was a sharp decrease in both intra-family mutual assistance and assistance from external benefactors. The state benefits and benefits included in the survey performed poorly the function of supporting socially vulnerable groups. The study has established a relationship between transfers and subjective stability of households demonstrating that the nature of this association is determined by the source of monetary transfers. Households receiving government transfers increased their sense of stability, while financially vulnerable households were more likely to receive inter-family and charitable assistance.

Keywords: household resilience; subjective assessments; transfers; multinomial logistic regression

For citation: Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A., Sinyavskaya T.G. Money transfers as a factor in household economic stability. *Finance: Theory and Practice*. 2026;30(4):236-248. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-4-236-248

ВВЕДЕНИЕ

Достижение национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»¹ в условиях нарастающей экономической и геополитической турбулентности предполагает в первую очередь укрепление основной ресурсной ячейки общества — домохозяйства. Оно должно быть способно эффективно противостоять негативным потрясениям, адаптироваться к изменяющимся условиям путем трансформации структуры ресурсов и поведения, сохраняя приемлемый уровень благосостояния и субъективной удовлетворенности жизнью. Финансовые ресурсы домохозяйства формируются за счет потоков денежных средств, поступающих из различных источников. Основными входящими потоками для домохозяйства являются, прежде всего, заработная плата, трансферты, инвестиционные доходы и кредиты [1].

Для сохранения стабильности в обществе, роста уровня жизни людей правительство постоянно расширяет меры поддержки социально уязвимых групп. Одним из важных инструментов государственного регулирования доходов населения и сглаживания социального неравенства выступают трансфертные платежи, являющиеся для многих домохозяйств основным источником существования. Во время экономических кризисов или шоков, таких как пандемия COVID-19, санкционное давление недружественных государств, увеличение социальных выплат и введение новых пособий позволяют поддерживать платежеспособность населения, особенно семей с детьми. Однако в ситуации дефицита средств федерального и местных бюджетов насущной задачей остается уточнение групп населения, которым эта помощь преимущественно поступает и которым она особенно необходима, выявление того, как люди оценивают полученные средства и льготы и как это улучшает их личные оценки экономической стабильности [2].

Другой, не менее актуальный, аспект — это поиск ответа на вопрос: работают ли в возникающих в обществе кризисных ситуациях механизмы самоадаптации, в частности, какую роль в этом играет система межсемейных трансфертов? Если государственные трансферты (пенсии, пособия, льготы) обеспечивают формальную «базу выживания», то частные играют роль гибкого амортизатора, поддерживающего равновесие социальной

системы, являясь, по сути, системой неформального социального страхования. Потоки межсемейных трансфертов носят разнонаправленный характер. С одной стороны — это помощь старших поколений, как материальная, так и в уходе за детьми и внуками. С другой стороны, с развитием цифровых платежей дети все чаще помогают деньгами пожилым родителям, чья пенсия не покрывает стоимость лекарств и оплату услуг ЖКХ. Благодаря межсемейным трансфертам многие россияне, формально живущие за чертой бедности, реально потребляют выше прожиточного минимума. Поскольку такая взаимопомощь традиционно широко распространена в России [3], эти трансферты оказывают заметное влияние на выравнивание материальной обеспеченности домохозяйств, дополняя, а зачастую и заменяя официальные каналы помощи.

Другая форма трансфертов связана с благотворительностью, которая в постсоветском пространстве трансформировалась от стихийной помощи нуждающимся к профессиональным фондам и корпоративным программам. Этот вид частных трансфертов закрывает ниши, которые государство охватывает слабо или очень бюрократично, и помогает в обеспечении редкими лекарствами, создании системы хосписов и выездной паллиативной помощи, организует частную спонтанную благотворительность, когда через платежные сервисы россияне регулярно перечисляют небольшие суммы. Это создает «народное финансирование» (краудфандинг) для оперативных сборов на операции или помощь пострадавшим в ЧС [4]. Общественный резонанс благотворительности весьма высок, но насколько он распространен и как оценивают его реципиенты помощи?

Различные источники трансфертных выплат могут быть как постоянными, так и временными, что может по-разному влиять на оценки удовлетворенности жизнью, материальным положением [4]. Некоторые пособия носят единоразовый или временный характер и обусловлены сложными жизненными обстоятельствами, что зачастую порождает у их получателей чувство стигматизации, стыда, и, как следствие, не улучшает их ощущение жизненного комфорта [5]. С другой стороны, устойчивость государственных трансфертов, таких как пенсии, обусловленных тем, что в течение всей жизни люди платили налоги, пенсионные взносы и имеют на них право, создают ощущение надежности бытия, но могут слабо отражаться в оценках субъективной удовлетворенности этими источниками доходов [6].

Получение любых видов трансфертов увеличивает ресурсы домохозяйства и таким образом эф-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 19.01.2026).

факт натурального или денежного дохода должен влиять на их материальную устойчивость, отражаемую, в том числе, и в их субъективных оценках, что крайне важно для оперативного реагирования, потому что официальная статистика доходов зачастую запаздывает и не полностью отражает реальные механизмы выживания.

Оценка воздействия различных видов трансфертов на уровень благосостояния населения — фундаментальная научная проблема, поскольку нарастающая динамика социально-экономических изменений в обществе, глобальная макроэкономическая, политическая турбулентность предполагают постоянную корректировку подходов к организации и функционированию социальной политики, что в ситуации бюджетных ограничений актуализирует необходимость совершенствования концептуальных подходов и методов моделирования взаимосвязи трансфертов и льгот с уровнем благосостояния населения [7].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Развернутый обзор сущности, типологии и факторов формирования трансфертов домашних хозяйств представлен в статье И. В. Калашниковой и О. В. Мироненко (2014) [8]. Авторы показали типологию трансфертов, возникающих между домашними хозяйствами, в форме матрицы, которая, по их мнению, способствует разработке более взвешенной политики доходов на федеральном и региональных уровнях.

Анализ динамики показателей экономического неравенства в России за 2006–2022 гг. во взаимосвязи с влиянием социальных трансфертов на распределение доходов в обществе в статье Л. С. Засимовой (2024) [9] на данных за 2006–2022 гг. выявил, что, несмотря на увеличение социальной поддержки, российские социальные трансферты не всегда эффективны в борьбе с неравенством.

Исследование А. А. Мироновой и Л. А. Шеншиной (2021) [10] на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2018 гг. показало, что домохозяйства, получающие государственные социальные трансферты, имеют значительно более низкую вероятность получения частных. В то же время ряд авторов указывает, что в периоды серьезных экономических потрясений, когда государственная поддержка может быть недостаточной, роль частных и внутрисемейных трансфертов как для выживания, так и для поддержания экономической активности, наоборот, усиливается. Так, недавние исследования О. Е. Кузиной и Д. В. Моисеевой (2026) [11] показали, что почти треть респон-

дентов, не имеющих сбережений или имеющих долги, субъективно оценивают свои шансы найти средства в случае доходного шока как высокие. При этом основным источником такой уверенности является именно расчет на помощь родственников и друзей (т.е. на частные трансферты), а не на государственную поддержку.

Т. Ю. Черкашина и Т. Ю. Богомолова (2025) [12] в исследовании роли внутрисемейных межпоколенных трансфертов (наследование, дарение) в накоплении нефинансового богатства показали, что такие трансферты, хотя их распространенность невысока, являются важным каналом для приобретения жилья и повышения экономической безопасности.

В исследовании L. S. V. Lune, M. Winter и др. (1999) [13] на данных о 600 польских домохозяйствах выявлено, что, хотя трансферты между семьями являются распространенной практикой, их получение не улучшает условия жизни реципиентов. Более того, домохозяйства — получатели такой помощи оценивают удовлетворенность своей жизнью ниже по сравнению с теми домохозяйствами, которые такую помощь не получают.

Результаты M. Grimm, R. Hartwig и др. (2021) [14] показали, что на удовлетворение базовых потребностей сельских домохозяйств в Буркина-Фасо в условиях экономических шоков заметное влияние оказывают неформальные личные трансферты. При этом для самых бедных домохозяйств эта связь оказалась отрицательной, т.е. такие домохозяйства с большей вероятностью подвержены так называемому эффекту вытеснения, когда получение домохозяйством государственных трансфертов приводит к сокращению объемов частной помощи.

Специфику межпоколенческой поддержки как фактора, влияющего на благополучие пожилых людей в Южной Азии, исследовали в своей работе S. Jahangir, D. S. Patil и др. (2025) [15]. Проведенный анализ 22 публикаций, индексируемых в PubMed, Embase, Scopus и ProQuest, позволил утверждать, что в Южной Азии межсемейная неформальная помощь, включающая как финансовую, так и эмоциональную поддержку, помощь по дому, уход и присмотр за членами домохозяйства, связана с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью и более низким уровнем депрессии пожилых людей.

R. Kuhn и S. Stillman (2004) [16] на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) постсоветского периода выявили, что личные трансферты были преимущественно направлены от пожилых домохозяйств к молодым семьям. Пенсионный доход пожилых людей, который был более

стабильным в период экономических потрясений, перераспределялся в пользу молодых поколений.

Следует отметить, что взаимосвязь между государственными, частными трансфертами и экономической устойчивостью домохозяйств на российских данных изучена недостаточно. Нет эмпирических исследований, непосредственно связывающих получение конкретных видов трансфертов с улучшением показателей материальной устойчивости домохозяйств. В настоящий момент связь между ними во многом устанавливается косвенно либо через анализ агрегированных данных. Перспективным направлением для будущих исследований является спецификация эконометрических моделей, способных оценить причинно-следственный эффект конкретных мер социальной политики и трансфертных каналов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Как измерить устойчивость домохозяйства? Такие объективные метрики, как соотношение доходов и расходов, долговая нагрузка, структура сбережений и др., безусловно, необходимы, но недостаточны. Современная методология оценки устойчивости российских домохозяйств включает три блока. Первый — ресурсный подход — предполагает оценку объема сбережений, наличие недвижимости, земли, доступ к кредитам [3, 17, 18]. Второй, социально-сетевой подход, включает доступ к межсемейным и частным трансфертам, возможность дохода от ведения натурального хозяйства [4, 9, 19–21]. Третий, психолого-субъективный подход, предполагает оценку способности индивида контролировать свою жизнь (внутренний локус контроля), включающую адаптационный потенциал как готовность менять профессию, осваивать новые навыки, снижать потребительские ожидания без значительного падения самооценки [22–25].

Агрегирование перечисленных подходов в рамках комплексного анализа возможно на микро-данных по домохозяйствам, объединяющих объективные данные о накопленных материальных ресурсах, получении домохозяйством различных трансфертов, а также субъективную оценку толерантности к неопределенности: способность планирования жизни при горизонте от полугода до одного дня.

Такая информация присутствует в данных проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)»².

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 20.01.2026).

В дальнейшем анализе использованы данные за 2016, 2020 и 2024 гг., которые были объединены в один массив без фиксированных или случайных эффектов как обязательного условия.

Выбор указанных периодов обусловлен тем, что в 2016 г., как следствие кризиса 2014 г., продолжилось падение реальных доходов населения, в 2020 г. падение остановилось, а в 2024 г. доходы выросли более чем на восемь процентов³. Стабильный социальный уклад в 2020 г. был нарушен пандемией COVID-19, а в 2024 г. продолжающееся нарастание экономических санкций со стороны недружественных стран могло отразиться и в субъективных оценках экономической устойчивости домохозяйств. В ходе опроса были учтены все источники доходов домохозяйств, их социально-демографический состав, место проживания. Ключевым стал ответ на вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: все члены вашей семьи лишились всех источников дохода. Как долго ваша семья сможет материально жить так же, как вы живете сейчас, т.е. не уменьшая расходов, только за счет денежных сбережений, ничего не продавая из имущества?». Распределение ответов на этот вопрос — субъективная оценка экономической устойчивости домохозяйств: полгода и больше; несколько месяцев; не больше месяца; не больше двух недель; не больше недели; ни одного дня.

Объемный блок вопросов о получаемых домохозяйствами трансфертах был сгруппирован следующим образом:

- межсемейные (внутренние) трансферты — получение безвозмездно денег или товаров от родителей, детей, бабушек и дедушек, внуков или других родственников;
- частные (внешние) трансферты — получение безвозмездно денег или товаров от друзей, с прежнего места работы, от религиозных, зарубежных и международных и других организаций, а также от частных лиц;
- государственные трансферты — получение безвозмездно денег (кроме пенсий) или товаров от социальных органов государства, в том числе льгот, бесплатных лекарств и путевок, ежемесячных денежных выплат и пособий на детей, субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг, ежемесячных денежных выплат взамен натуральных льгот, дотаций на топливо: газ, керосин, дрова, торф и др. (не были включены выплаты в связи с участием члена семьи в СВО, так как этот вопрос впервые появился в волне 2024 г.).

³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2025: Стат. сб. М.: Росстат; 2025:17.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На рис. 1 представлено распределение ответов на вопрос о том, как долго семья смогла бы сохранить привычный уровень жизни в случае полной потери внешних источников доходов. Этот показатель можно рассматривать как субъективную оценку экономической устойчивости домохозяйств: чем более длительный срок указывает респондент, тем выше запас прочности семьи. В целом данные свидетельствуют о постепенном смещении оценок в сторону большей устойчивости. По сравнению с 2016 в 2024 г. выросла доля домохозяйств, которые считают, что смогли бы прожить без доходов несколько месяцев или полгода и более, что вполне согласуется с данными Банка России, согласно которым реальные доходы выросли у 65% домохозяйств в 2022–2024 гг.⁴ Одновременно снизилась доля наиболее уязвимых оценок — тех, кто указал, что привычный уровень жизни удалось бы сохранить не более недели или ни одного дня.

При этом распределение ответов не меняется линейно: между 2016, 2020 и 2024 гг. наблюдаются значительные колебания. Например, оценка «не более двух недель» в 2020 г. выше, чем в 2016 и 2024 гг., тогда как доля ответов «несколько месяцев» особенно заметно выросла к 2024 г. Это указывает на то, что субъективная экономическая устойчивость домохозяйств может зависеть не только от общего уровня доходов, но и от структуры источников материальной поддержки. В связи с этим возникает необходимость проверки взаимосвязи различий в оценках материальной устойчивости с характером получаемых домохозяйствами трансфертов. Например, отличаются ли ответы семей, получающих государственные выплаты, от семей, опирающихся на трудовые доходы, частные переводы или иные формы поддержки?

Чтобы оценить интенсивность получения различных видов трансфертов по домохозяйствам в течение анализируемого периода, были рассчитаны средние доли трансфертов по годам (рис. 2).

Налицо общее снижение доли всех видов трансфертов, получаемых домохозяйствами. Наиболее распространенными оставались государственные трансферты, хотя и их доля к 2024 г. сократилась на 10%. В пандемийном 2020 г. доля внешних (частных) трансфертов сократилась более чем в десять раз и осталась на низком уровне и в 2024 г. Реципиентов межсемейных (внутренних) трансфертов в 2016 г. было 23,1% домохозяйств, а к 2024 г. их осталось 15,2%.

Для оценки взаимосвязей между устойчивостью домохозяйств и присутствием в них трансфертных доходов была специфицирована логистическая регрессионная модель множественного выбора, в которой зависимые переменные — ответы о сроках выживания домохозяйств без средств к существованию (см. таблицу). Независимые переменные, представленные в дихотомической форме, имеют две категории, одна из которых рассматривается как референтная, ее коэффициенты принимаются равными нулю. Интерпретация результатов модели представлена в терминах коэффициента отношения шансов (odds ratio), который показывает, насколько больше (или меньше) частота ответов об определенном периоде выживания для домохозяйства в каждой категории независимых переменных по отношению к референтной категории. В таблице — результаты оценивания мультиномиальной модели, где референтной категорией зависимой переменной выступает ответ «не больше месяца». Поэтому коэффициенты следует интерпретировать как относительные шансы выбора соответствующей категории ответа по сравнению с категорией «не больше месяца» при прочих равных условиях. Значения выше единицы указывают на более высокие относительные шансы выбора данной категории, значения ниже единицы — на более низкие.

В целом результаты показывают, что оценки субъективной финансовой устойчивости домохозяйств заметно различаются в зависимости от типа получаемых трансфертов, уровня дохода, типа поселения, состава домохозяйства и года наблюдения.

Наличие государственных трансфертов положительно связано с более высокими оценками финансовой устойчивости. При прочих равных условиях домохозяйства, получающие государственные трансферты, имеют более высокие относительные шансы выбрать ответы «полгода и больше» и «несколько месяцев» по сравнению с ответом «не больше месяца». Одновременно для них ниже относительные шансы выбрать наиболее уязвимую категорию — «ни одного дня». Это может указывать на то, что регулярные государственные выплаты воспринимаются домохозяйствами как стабильный источник поддержки.

Иная картина наблюдается для внутренних, межсемейных трансфертов. Их наличие связано с более низкими шансами выбора категорий «полгода и больше» и «несколько месяцев», но с более высокими шансами ответа «ни одного дня». Это может означать, что помощь родственников и близких чаще необходима домохозяйствам, находящимся в более уязвимом материальном положении, и не всегда воспринимается как устойчивый источник финансовой безопасности.

⁴ Сайт издательского дома «Коммерсантъ». Раздел «Экономика» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7606276> (дата обращения: 25.03.2026).

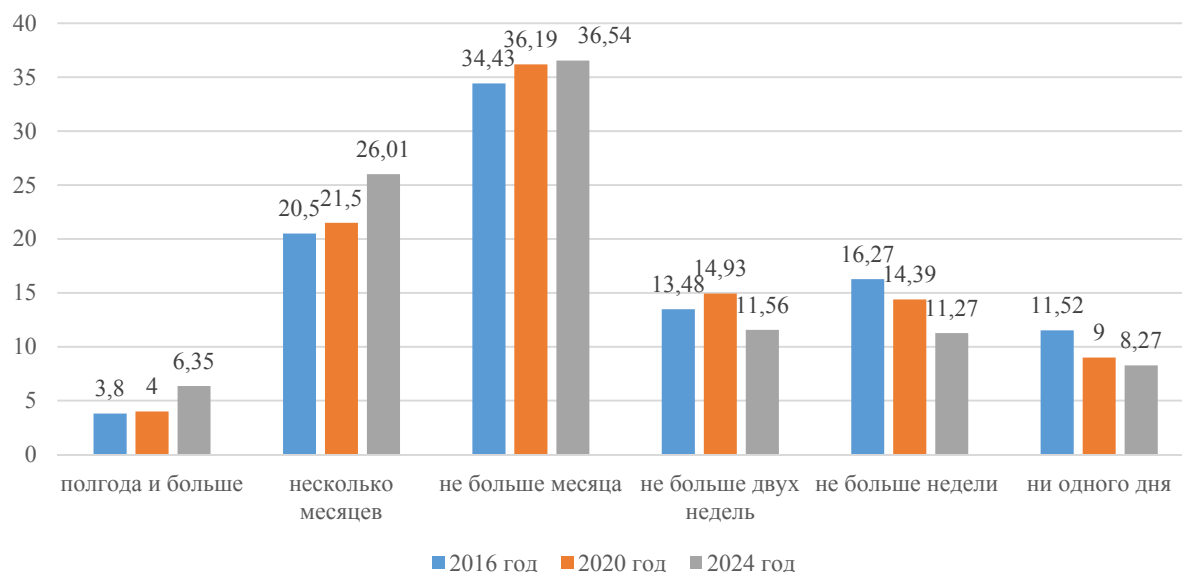

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение субъективных оценок материального благосостояния /
Distribution of Subjective Assessments of Material Well-being

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

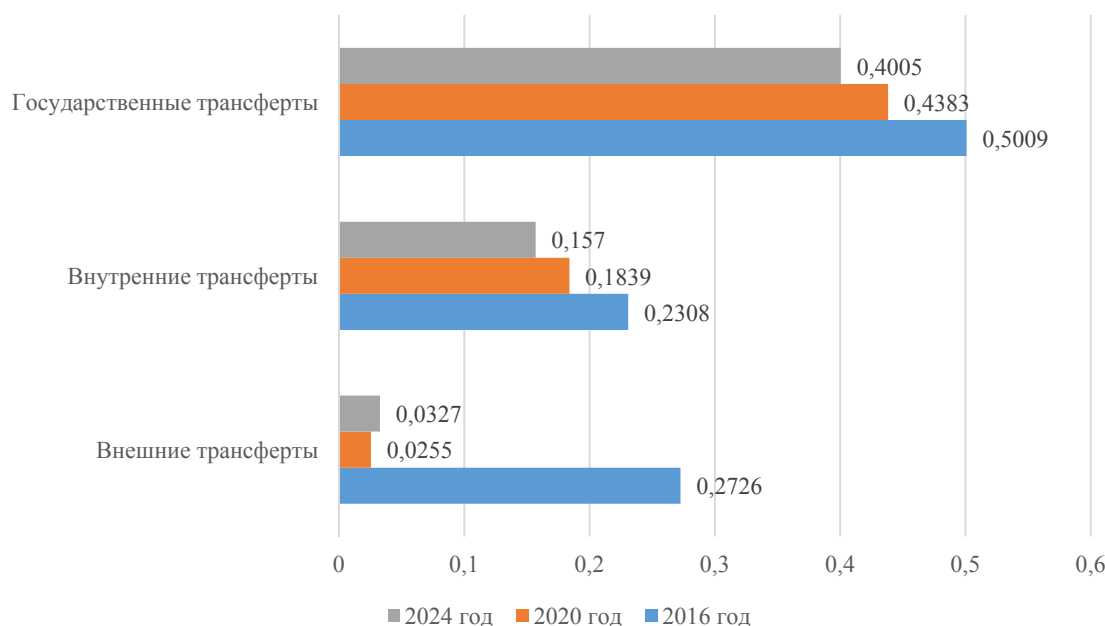

Рис. 2 / Fig. 2. Средние доли трансфертов, 2016, 2020, 2024 гг. / Average Shares of Transfers, for 2016, 2020 and 2024

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Внешние трансферты, связанные с благотворительной помощью, в целом имеют более ограниченную связь с субъективной финансовой устойчивостью. Статистически значимый эффект наблюдается главным образом для категории «не больше недели»: получатели благотворительной помощи чаще выбирают этот ответ по сравнению с опорной категорией. Это позволяет предположить,

что благотворительная поддержка чаще связана с краткосрочной уязвимостью, но не формирует устойчивого запаса финансовой прочности.

Доходные различия выражены особенно отчетливо. Домохозяйства из I и II квинтилей существенно реже указывали, что смогут сохранять привычный уровень жизни в течение нескольких месяцев или полугодия, и существенно чаще сообщали, что

Таблица / Table

Факторы субъективной финансовой устойчивости домохозяйств: результаты оценивания мультиномиальной логит-модели (референтная категория зависимой переменной: не больше месяца) / Factors of Subjective Financial Stability of Households: Results of Estimation of a Multinomial Logit Model (Reference Category of the Dependent Variable: Not More Than a Month)

Переменная / Variable	Полгода и больше / Six months or more	Несколько месяцев / A few months	Не больше двух недель / Not more than two weeks	Не больше недели / Not more than a week	Ни одного дня / Not a single day
Трансферты					
Внутренние (межсемейные)	0,557***	0,783***	1,087	0,989	1,545***
Внешние (благотворительность)	0,959	1,013	1,019	1,295**	0,974
Государственные	1,715***	1,325***	0,983	0,935	0,847**
Душевые доходы домохозяйств (20% доходные группы)					
I квинтиль	0,274***	0,476***	1,032	1,414***	2,413***
II квинтиль	0,496***	0,722***	0,964	1,054	1,190**
III квинтиль	–	–	–		
IV квинтиль	1,274**	1,132**	0,863**	0,809**	0,646***
V квинтиль	2,428***	1,442***	0,775**	0,726***	0,770**
Тип поселения					
Областной центр	0,797*	0,935	1,255**	1,737***	2,059***
Город	0,456***	0,786**	1,165	1,650***	1,826***
Поселок городского типа	–	–	–	–	–
Село	0,577***	1,006	0,895	1,237	1,662***
Социально-демографический тип домохозяйства					
Д/х из одного члена	1,041	0,862**	0,979	1,081	1,307***
Д/х из двух и более членов без детей	–	–	–		
Мать/отец одиночка с детьми и/или другими членами семьи	0,614***	0,786**	1,154	1,060	1,303**
Семейная пара с детьми и/или другими членами семьи	0,865	0,940	0,993	0,974	0,873
Прочие домохозяйства	1,278	0,905	1,810***	1,100	0,913
2016	–				
2020	1,015	1,020	1,063	0,891*	0,728***
2024	1,676***	1,254***	0,814**	0,680***	0,648***
Свободный член	0,131***	0,661***	0,361***	0,292***	0,143***
Pseudo R ²	0,035				
Число домохозяйств	13817				

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечание / Note: в таблице представлены относительные шансы выбора соответствующей категории ответа по сравнению с категорией «не больше месяца». Значения выше 1 указывают на более высокие относительные шансы, значения ниже 1 – на более низкие. Референтные категории: III квинтиль доходов, поселок городского типа, домохозяйство из двух и более членов без детей, 2016 г. * p < 0,10; ** p < 0,05; *** p < 0,01 / The table presents the relative odds of selecting the corresponding response category compared to the “no more than a month” category. Values above 1 indicate higher relative odds, values below 1 indicate lower relative odds. Reference categories: third income quintile, urban-type settlement, household of two or more members without children, 2016. * p < 0.10; ** p < 0.05; *** p < 0.01.

не смогут продержаться без внешних поступлений «ни одного дня». Для домохозяйств из верхнего квинтиля наблюдалась противоположная картина: они чаще относили себя к более устойчивым категориям и реже — к наиболее уязвимым.

Тип поселения также связан с оценками финансовой устойчивости. По сравнению с поселками городского типа, домохозяйства в областных центрах и городах чаще попадали в категории краткосрочной устойчивости, особенно «не больше недели». В то же время проживание в городах и сельской местности связано с более низкими шансами выбора ответа «полгода и больше». Это может отражать различия в структуре доходов, стоимости жизни, доступе к неформальной поддержке и составе домохозяйств в разных типах поселений.

Социально-демографический состав домохозяйства также играет важную роль. Неполные семьи с детьми и/или другими членами семьи реже выбирали более благоприятные категории — «полгода и больше» и «несколько месяцев» — и чаще оказывались среди тех, кто указал, что не сможет сохранять привычный уровень жизни ни одного дня без внешних поступлений. Домохозяйства из одного человека также чаще отмечали наиболее уязвимую категорию. Прочие домохозяйства выделялись повышенными шансами выбора ответа «не больше двух недель», что может указывать на неоднородность этой группы.

Динамика по годам свидетельствует об улучшении субъективных оценок финансовой устойчивости. По сравнению с 2016 в 2024 г. существенно выше относительные шансы выбора категорий «полгода и больше» и «несколько месяцев». Одновременно ниже шансы выбора всех более уязвимых категорий — «не больше двух недель», «не больше недели» и «ни одного дня». В 2020 г. изменения выражены слабее: значимые отличия от 2016 г. наблюдаются главным образом в снижении шансов выбора ответов «не больше недели» и «ни одного дня».

Таким образом, результаты подтверждают, что субъективная материальная устойчивость домохозяйств связана не только с уровнем доходов, но и с характером получаемой поддержки. Государственные трансферты ассоциируются с более устойчивыми оценками, тогда как межсемейная помощь и благотворительные трансферты чаще связаны с признаками материальной уязвимости. Однако эти связи следует интерпретировать как статистические ассоциации, а не как прямое доказательство причинного влияния трансфертов на оценки экономической устойчивости домохозяйств.

Результаты моделирования выявили ряд не тривиальных тенденций в субъективных оценках

устойчивости домохозяйств. Вполне ожидаемо, что более высокие оценки — прежде всего ответы о возможности сохранять привычный уровень жизни в течение нескольких месяцев или полугода и более — чаще характерны для относительно высокодоходных домохозяйств. Однако при прочих равных условиях наличие государственных трансфертов также связано с более высокими относительными шансами выбора этих категорий по сравнению с ответом «не больше месяца». Одновременно получение государственных трансфертов снижает относительные шансы выбора наиболее уязвимой категории — «ни одного дня». Этот результат требует осторожной интерпретации. С одной стороны, государственные выплаты могут выступать как устойчивый источник поддержки, повышающий ощущение материальной защищенности. С другой стороны, стабильное отношение суммы государственных трансфертов к душевым доходам домохозяйств в 2016, 2020 и 2024 гг. указывает на то, что учтенные виды пособий и льгот не концентрируются исключительно среди наиболее уязвимых групп. Иными словами, государственные трансферты выполняют не только компенсаторную функцию поддержки социально уязвимых домохозяйств, но и более широкую функцию перераспределения и стабилизации доходов. Эти результаты согласуются с выводами, представленными в исследованиях Л. С. Засимовой [9] и А. А. Мироновой и Л. А. Шеншиной [10].

Иная картина наблюдается в отношении межсемейных, или внутренних, трансфертов. Они оказываются особенно значимыми для домохозяйств, лишенных собственной «подушки безопасности» в форме сбережений. Наличие такой помощи связано с более высокими относительными шансами ответа «ни одного дня» и с более низкими шансами выбора категорий, указывающих на длительный период экономической устойчивости. Это позволяет рассматривать межсемейную помощь не столько как фактор устойчивого благополучия, сколько как механизм поддержки в ситуации уже существующей или высокой материальной уязвимости. Такой вывод согласуется с исследованиями О. Е. Кузиной и Д. В. Моисеевой [11], показывающими, что в критических ситуациях люди часто рассчитывают именно на помощь родственников и ближайшего окружения.

Внешние трансферты в форме благотворительной помощи имеют более ограниченную связь с субъективной материальной устойчивостью. Их статистически значимая связь проявляется главным образом среди домохозяйств, оценивающих свой запас прочности как крайне краткосрочный.

Это может свидетельствовать о том, что благотворительная помощь чаще выполняет функцию точечной и ситуативной поддержки, но не формирует устойчивого ощущения финансовой защищенности.

Важным и достаточно неожиданным результатом стала динамика по годам. По сравнению с 2016 в 2024 г. увеличились относительные шансы выбора более благоприятных оценок финансовой устойчивости и снизились шансы выбора наиболее уязвимых ответов. Вместе с тем резкое сокращение доли межсемейной взаимопомощи и помощи со стороны внешних благотворителей, проявившееся в период пандемии и в значительной мере сохраняющееся позднее, представляет собой важную научную и социальную проблему, требующую дальнейшего исследования.

ВЫВОДЫ

Развиваемый в представленном исследовании подход к анализу потоков трансфертов разной природы с учетом субъективных маркеров материальной устойчивости позволяет уточнить реакции домохозяйств на текущие социально-экономические изменения, дает возможность формирования оперативного отклика государства на вызовы нестабильной среды.

Субъективная экономическая устойчивость домохозяйств определяется не только уровнем

доходов, но и характером доступных источников поддержки. Государственные трансферты в большей степени связаны с ощущением стабильности, тогда как межсемейная и благотворительная помощь чаще сопровождают ситуации материальной уязвимости. Резкое сокращение межсемейных трансфертов — новый социальный феномен в российском обществе, требующий дальнейшего исследования. Его возникновение может быть обусловлено ростом социальной турбулентности, трансформацией межсемейных отношений, а также изменением финансового поведения населения.

Полученные результаты свидетельствуют о неодинаковой роли источников трансфертной поддержки в формировании субъективной экономической устойчивости домохозяйств и указывают на целесообразность мониторинга неформальных источников поддержки населения как важного элемента адаптационного потенциала российских домохозяйств при разработке и совершенствовании механизмов адресной социальной политики.

Ограничением представленных результатов анализа является то, что модель фиксирует связи между характеристиками домохозяйств и субъективными оценками, но не позволяет однозначно установить причинно-следственный эффект отдельных видов трансфертов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02316 «Устойчивость российских домохозяйств в условиях турбулентности: концепция, методы оценки и адаптационные стратегии», 2026–2027 гг., <https://rscf.ru/project/25-28-02316/>. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGMENTS

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-02316 “Sustainability of Russian households in conditions of turbulence: concept, assessment methods and adaptation strategies”, 2026–2027, <https://rscf.ru/project/25-28-02316/>. Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцов А.А., Осипова Т.Ю. Значение, структура и соотношение персональных и семейных финансов в финансовой системе. *Вестник Томского государственного университета*. 2010;(331):135–141. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/844/files/331-135.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).
2. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;(4):3–29. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2372
3. Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А. Динамика субъективных оценок благосостояния населения в 2020–2022 гг. Измерение и анализ благосостояния. Тез. докл. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25–27 января 2024 г.). СПб.: СПбГЭУ; 2024:278–280. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/120236371/_24.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

4. Масленников В.В., Ларионов А.В., Гагарина М.А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(2):88-103. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103
5. Шнейдерман И.М., Ярашева А.В., Макап С.В. Финансовое поведение населения России: региональные различия. *Вопросы статистики*. 2021;28(6):59-68. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-6-59-68
6. Радаев В.В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;(6):17-34. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2501
7. Ниворожкина Л.И., Синявская Т.Г. Моделирование воздействия экономических факторов на рост социальной напряженности. *Финансовые исследования*. 2017;(1):8-20. URL: https://finis.rsue.ru/2017_%E2%84%961/2017-1.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
8. Калашникова И.В., Мироненко О.В. Трансферты домашних хозяйств: сущность, типология, факторы их формирования. *Экономика труда*. 2014;1(1):59-68. DOI: 10.18334/et.1.1.11
9. Засимова Л.С. Измерение неравенства и влияния социальных трансфертов на доходы населения в России. *Вопросы статистики*. 2024;31(6):35-48. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-6-35-48
10. Mironova A.A., Shenshina L.A. Private and public transfers: Substitute or complement? *Population and Economics*. 2021;5(2):1-15. DOI: 10.3897/popecon.5.e60293
11. Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Финансовая (не)устойчивость домохозяйств в России: масштабы и траектории перехода. *Вопросы экономики*. 2026;(5):76-95. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-5-76-95
12. Черкашина Т.Ю., Богомолова Т.Ю. Трансферты экономических ресурсов внутри семьи как источник формирования нефинансового богатства населения в России. *Экономическая социология*. 2025;26(4):32-68. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-4-32-68
13. Lune L.S.V., Winter M., Morris E.W., Gutkowska K., Jeżewska-Zychowicz M. Interhousehold transfers of goods and services and reported well-being among Polish households. *Journal of Family and Economic Issues*. 1999;20(4):333-366. DOI: 10.1023/A:1022928104989
14. Grimm M., Hartwig R., Reitmann A.-K., Bocoum F.Y. Inter-household transfers: An empirical investigation of the income-transfer relationship with novel data from Burkina Faso. *World Development*. 2021;144:105486. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105486
15. Jahangir S., Patil D.S., Gangopadhyay J., Vogt T.C. Understanding intergenerational dynamics and social support's impact on health and well-being of older adults in South Asia: A scoping review. *Systematic Reviews*. 2025;14(1):86. DOI: 10.1186/s13643-025-02833-z
16. Kuhn R., Stillman S. Understanding interhousehold transfers in a transition economy: Evidence from Russia. *Economic Development and Cultural Change*. 2004;53(1):131-156. DOI: 10.1086/423256
17. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. *Социологический журнал*. 2020;26(1):55-86. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7053
18. Одинцова Е.В. Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств. *Уровень жизни населения регионов России*. 2026;22(1):87-104. DOI: 10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104
19. Миронова А. Роль частных трансфертов в поддержке семей с несовершеннолетними детьми как группы с повышенным риском бедности. *Журнал исследований социальной политики*. 2025;23(1):79-98. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98
20. Бурмыкина О.Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений. *Петербургская социология сегодня*. 2019;(12):134-153. DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27
21. Фахрадова Л.Н., Смолева Е.О., Разварина И.Н. Межпоколенные отношения в современной российской семье. *Гуманитарные научные исследования*. 2016;(8):238-246. URL: <https://human.snauka.ru/2016/08/15998> (дата обращения: 17.02.2026).
22. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.H., Plotkina D., Göritz A.S. Determinants of individuals' objective and subjective financial fragility during the COVID-19 pandemic. *Journal of Banking & Finance*. 2023;153:106881. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2023.106881
23. Béné C., Al-Hassan R.M., Amarasinghe O., et al. Is resilience socially constructed? Empirical evidence from Fiji, Ghana, Sri Lanka, and Vietnam. *Global Environmental Change*. 2016;38:153-170. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2016.03.005
24. Альбеков А.У., Ниворожкина Л.И., Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Трегубова А.А. Развитие методологии оценки финансовой безопасности России на основе исследования воздействия макроэкономиче-

ских шоков на динамику сбережений и операций населения на кредитном и валютном рынках. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ); 2017. 188 с. URL: <https://aml.university/d/tpejpOkcOWvRmIG9nKViMgUrTl7QtYuVt0dMH6U0?ysclid=mrddhxxg98m65536289> (дата обращения: 10.02.2026).

25. Ниворожкина Л.И., Трегубова А.А. Моделирование оценок субъективной удовлетворенности в социально-экономических исследованиях. *Финансы и бизнес*. 2023;19(1):3-15. DOI: 10.31085/1814-4802-2023-19-1-136-3-15

REFERENCES

1. Zemtsov A.A., Osipova T.Yu. Meaning, structure and ratio of personal and family finances in financial system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2010;(331):135-141. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/844/files/331-135.pdf> (accessed on 16.02.2026). (In Russ.).
2. Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. Perception of economic changes during the special military operation in Russian public opinion. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(4):3-29. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2372
3. Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A. Dynamics of subjective assessments of the well-being of the population in 2020-2022. In: Measurement and analysis of well-being. Proc. All-Russ. (with int. particip.) sci.-pract. conf. (St. Petersburg, January 25–27, 2024). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2024:278-280. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/120236371/_24.pdf (accessed on 10.02.2026). (In Russ.).
4. Maslennikov V.V., Larionov A.V., Gagarina M.A. Factors of formation of financial behavior types of economic entities. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(2):88-103. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103
5. Shneiderman I.M., Yarasheva A.V., Makar S.V. Financial behavior of the Russian population: Regional differences. *Voprosy statistiki*. 2021;28(6):59-68. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-6-59-68
6. Radaev V.V. Emotionally loaded consumption in contemporary Russia: Specific features, main factors and financial consequences. Part 2: Empirical estimates. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(6):17-34. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2501
7. Nivorozhkina L.I., Sinyavskaya T.G. The risks of social tension: Econometric modeling based on multivariate probit models. *Finansovye issledovaniya = Financial Research*. 2017;(1):8-20. URL: https://finis.rsue.ru/2017_%E2%84%961/2017-1.pdf (accessed on 10.02.2026). (In Russ.).
8. Kalashnikova I.V., Mironenko O.V. Households transfers: Their nature, types, formation factors. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*. 2014;1(1):59-68. (In Russ.). DOI: 10.18334/et.1.1.11
9. Zasimova L.S. Measuring inequality and the impact of social transfers on household income in Russia. *Voprosy statistiki*. 2024;31(6):35-48. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-6-35-48
10. Mironova A.A., Shenshina L.A. Private and public transfers: Substitute or complement? *Population and Economics*. 2021;5(2):1-15. DOI: 10.3897/popecon.5.e60293
11. Kuzina O.E., Moiseeva D.V. Financial fragility of Russians: The magnitude and trajectories of transition. *Voprosy ekonomiki*. 2026;(5):76-95. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2026-5-76-95
12. Cherkashina T., Bogomolova T. Transfers of economic resources within the family as a source of formation of non-financial wealth of the population in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. 2025;26(4):32-68. (In Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2025-4-32-68
13. Lune L.S.V., Winter M., Morris E.W., Gutkowska K., Jeżewska-Zychowicz M. Interhousehold transfers of goods and services and reported well-being among Polish households. *Journal of Family and Economic Issues*. 1999;20(4):333-366. DOI: 10.1023/A:1022928104989
14. Grimm M., Hartwig R., Reitmann A.-K., Bocoum F.Y. Inter-household transfers: An empirical investigation of the income-transfer relationship with novel data from Burkina Faso. *World Development*. 2021;144:105486. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105486
15. Jahangir S., Patil D.S., Gangopadhyay J., Vogt T.C. Understanding intergenerational dynamics and social support's impact on health and well-being of older adults in South Asia: A scoping review. *Systematic Reviews*. 2025;14(1):86. DOI: 10.1186/s13643-025-02833-z
16. Kuhn R., Stillman S. Understanding interhousehold transfers in a transition economy: Evidence from Russia. *Economic Development and Cultural Change*. 2004;53(1):131-156. DOI: 10.1086/423256
17. Voronin G.L., Zakharov V.Ya., Kozyreva P.M. Measuring the stability of households: 1994-2017. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2020;26(1):55-86. (In Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7053
18. Odintsova E.V. On the sustainability of the standard of living of Russian households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87-104. (In Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104

19. Mironova A. The role of private transfers in supporting families with minor children as a group at increased risk of poverty. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2025;23(1):79-98. (In Russ.). DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98
20. Burmykina O.N. Trends of changes of intergenerational family relations. *Peterburgskaya sociologiya segodnya = St. Petersburg Sociology Today*. 2019;(12):134-153. (In Russ.). DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27
21. Fakhradova L.N., Smoleva E.O., Razvarina I.N. Intergenerational relations in a modern Russian family. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities Scientific Research*. 2016;(8):238-246. URL: <https://human.snauka.ru/2016/08/15998> (accessed on 17.02.2026). (In Russ.).
22. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.H., Plotkina D., Göritz A.S. Determinants of individuals' objective and subjective financial fragility during the COVID-19 pandemic. *Journal of Banking & Finance*. 2023;153:106881. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2023.106881
23. Béné C., Al-Hassan R.M., Amarasinghe O., et al. Is resilience socially constructed? Empirical evidence from Fiji, Ghana, Sri Lanka, and Vietnam. *Global Environmental Change*. 2016;38:153-170. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2016.03.005
24. Al'bekov A.U., Nivorozhkina L.I., Alifanova E.N., Evlakhova Yu.S., Tregubova A.A. Development of a methodology for assessing Russia's financial security based on a study of the impact of macroeconomic shocks on the dynamics of savings and transactions of the population in the credit and foreign exchange markets. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics (RINH); 2017. 188 p. URL: <https://aml.university/d/tpejpOkc0WvRmIG9nKVIMgUrTl7QtYuVt0dMH6U0?ysclid=mrhdxhg98m65536289> (accessed on 10.02.2026). (In Russ.).
25. Nivorozhkina L.I., Tregubova A.A. Modeling of subjective satisfaction assessments in socio-economic researches. *Finansy i biznes = Finance and Business*. 2023;19(1):3-15. (In Russ.). DOI: 10.31085/1814-4802-2023-19-1-136-3-15

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Людмила Ивановна Ниворожкина — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики, эконометрики и оценки рисков, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Ludmila I. Nivorozhkina — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3452-3101>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
lin45@mail.ru

Александра Александровна Трегунова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Alexandra A. Tregubova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4446-6622>

alexandra_a_t@mail.ru

Татьяна Геннадьевна Синявская — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Tatiana G. Sinyavskaya — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Statistics, Econometrics and Risk Assessment Department, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4120-9180>

sin-ta@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.И. Ниворожкина — постановка проблемы, разработка концепции статьи, критический анализ литературы, моделирование, описание результатов и формирование выводов исследования.

А.А. Трегубова — критический анализ литературы, формирование информационной базы, описание результатов и формирование выводов исследования.

Т.Г. Синявская — критический анализ литературы, описание и оформление результатов, формирование выводов исследования.

Authors' declared contribution:

L. I. Nivorozhkina — problem statement, development of the concept of the article, critical analysis of literature, modeling, description of results and formation of conclusions of the study.

A. A. Tregubova — critical analysis of literature, formation of information base, description of results and formation of conclusions of the study.

T. G. Sinyavskaya — critical analysis of literature, description and design of results, formation of conclusions of the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 21.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 25.05.2026; revised on 20.06.2026 and accepted for publication on 21.06.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.